

Крепкий и мудрый уралец

Пользуйся украинским опалом, нежно иридирует, завораживает. Искусственный дешевле. Стоимость перстня та же — четвертная. Прошлый год — штамповка, зимой штамповка, весна, обновление, а он штампует. Втягивается в масс-культуру. Формирует потребителя, падкого на обуюю одноликость. Пластический крах. Устала убеждать. Брошу Валю. Назрело. Выгода выше творчества. Торгашество. Ну и что? Нужен дом. Дом всё равно удастся огоревать. Не по Спасителю взялся жить, по тем, кого Иисус Христос изгонял из храмов, кто пока что торжествует чёрным образом в Америке и Европе. Именно от них масс-культура, потому что они способны лишь на халтуру. Это ими порождены скульптура, живопись, архитектура, дизайн, кино. Это они растряют дух, душу, тело.

Увешевать Оксану не стал. Не хуже меня ведаёт о христианской терпимости. У них на удивление строгая дочурка, её воспитывает православная бабушка. Бабушкой и дочуркой должна определиться праведность их отношений.

Голову Оксаны охватывают бусы розового сердолика. В незапамятные времена вынес карадагский вулкан сгустки крови своего сердца. Они окаменели в море, высветлились. Оксана, дивная ныряльщица, достала их из воды. Исповедовала убеждение Оксана: магматический сердолик, дозревший в море, умиротворяет ум, очистительно действует на страсти.

Подумалось: понапрасну беспокоиться о её судьбе.

Оксана вернула перстень со значением: чароит, подсказывает интуиция, хранитель любви, верности, семейных уз.

Не было мига, чтобы усомнился в счастливом существе чароита, предопределённом Оксаной.

Москва, куда вернулся домой, толпилась возле Музея изобразительных искусств на выставку «Золото инков». Пластинчатое золото, наверно, ковка с чеканкой, ничем, кроме самого себя, не изукрашенное, в отдельных изделиях обнаружило фиолетовые крапинки, яркие, как персидская сирень. Я прямо-таки дивился: чароит, воистину чароит. Но до сих пор не узнал, действительно ли это чароит. Увы, он склонен загадывать загадки, не желающие открываться. Он явно помешал мне, верному коктейльщику, встретиться хотя бы ещё раз с Валентином и Оксаной.

Как жаль, что вилла-образина оказалась собственностью Юрченки.

Хижину Вилараса, потемневшую до сажевости сараюшку, воры обминули. Пифосы своими сухими раструбами всасывались в высоту. Их, конечно же, убежало небо.

Мы выпили мадеры. Повспоминали о завсегдатаях, кого ласково привечал берег Волошина и кто теперь, если безгрешны, смотрят с небес на море, на горы, на нас, счастливых.

Перед расставанием со мной Виларас вдруг спохватился: о дочке забыл, о Виславе, рождённой ему полькой-любовницей Магдой; мать Гектора Антоновича тоже полька, отец грек.

Из-под обложки паспорта Виларас вытянул карточку. В кресле возлежала белоснежная от пышного платья девушка. Вся в думах была она. Ведь есть о чём подумать созданию, совершенству которого равно Форнарине Рафаэля. Почему-то мнится: Вислава надеялась, что красота спасёт мир. Однако уверен, Вислава и подозревала, что человеческий мир завистнически губит красоту, и чем дальше, тем беззастенчивей, беспощадней, неотвратимей. И вовсе я не убеждён, что Вислава верила в надежду потомка поляков Фёдора Достоевского, будто бы красота спасёт мир.

Моё чувство склонялось к неутешности, но сладили его украшения девушки: серьги, кулон, браслет и перстень с вставками из чароита.

— Чароит! — прошептал нежно Виларас и ненароком вернул меня к настроению прискорбня. Неужели Вислава, подобно сиреневой драгоценности, из последних находок на планете?

20 ноября — 90 лет со дня рождения крупного мастера русского слова Николая Воронова. «Меня называют поэтом, философом, публицистом, поэтическим прозаиком, — говорил он, — я, прежде всего, писатель. Потребность писать — стихийная, как любовь. Никто не знает, почему любовь возникла, почему упорно длится. Писательство — интуитивная стихийность. Как дышать. Как видеть солнце. Очень редкие дни, когда я вне творчества. Даже в такие страшные дни, когда умерла мама, жена, я не останавливался... Писательство — это самовыражение, самоутверждение. Если люди ценят это в тебе, был бы большой грех противостоять этой своей потребности. Неукротимая потребность с детства — через слово выражать мир».

Трёх лет ему не хватило, чтобы встретить юбилей и рассказать о своих долгих, захватывающих, красочных, подчас сложных литературных тропах, о встречах с К.Паустовским, В.Катаевым, Б.Можаяевым, В.Астафьевым, В.Боковым, Б.Окуджавой, Б.Ахмадулиной, А.Твардовским... Автор «Василия Тёркина» высоко оценил и опубликовал в журнале «Новый мир» его автобиографический смелый высокохудожественный роман «Юность в Железнодорожке» — о нелёгкой доли металлургов Магнитки, о судьбах нескольких поколений крестьянских семей, приближавших самоотверженным трудом победу над фашизмом... В их числе Серёжа Анисимов — главный герой, и его сверстники-подростки встали у заводских печей и станков, выполняя тяжёлую героическую работу.

Блистательный мастер слова, Воронов переведён на множество языков: греческий, польский, венгерский, китайский, чешский, немецкий, а его книги для детей и взрослых: «Макушка лета», «Котёл», «Побег в Индию», «Голубиная охота», «Мальчик, полюбивший слона», «Гибель такси», «Тёплые монеты», «Юность в Железнодорожке» и другие — давно стали нашей доброй классикой.

У Николая Воронова, кроме редкого литературного дара, был дар дружбы — святой, преданной, самоотверженной, братской. Годы и годы длилась крепкая связь двух уральцев: Николая Воронова и бесстрашного русского поэта и публициста Валентина Сорокина, который так сказал о своём старшем литературном брате: «Светлый душой, добрый, без уныния и обид, устремлённый в жизнь России, жизнь её народов писатель Николай Воронов — крепкий и мудрый уралец. Никого зря не обидит, никому предательства не простит. Характер и воля родного края, Урала, доблесть воина. Его творчество — рассказы, повести, романы — защита совести, отваги и правды...». Так считали многие выдающиеся литераторы. Среди них и Виктор Астафьев.

Из писем Николаю Воронову (публикуются впервые)

Мария ТВАРДОВСКАЯ — вдова писателя Александра Твардовского:

— Дорогой Николай Павлович! Спасибо за Ваше доброе письмо. Конечно, жаль, что не выбрались Вы на Пахру, — я так хотела повидать автора Железнодорожка, — судьба вещи и Ваша не прошла мимо нас. Ведь что царапало Александра Трифоновича, то царапало и меня. Такой уж характер, хотя часто делу это пользы не давало... Очень буду рада получить Ваши воспоминания о моём муже. Они должны Вам удасться, потому что, как мне кажется, Вы успели полюбить Александра Трифоновича.

Всего Вам доброго! Новогодние и просто житейские пожелания здоровья и успехов Татьяне Петровне (супруге — Прим. ред.).

13 января 1973 г.

Виктор АСТАФЬЕВ — советский и российский писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат пяти Государственных премий:

— Дорогой Николаш! Давно я тебе не писал, думал, что ты уж в Магнитке и заедешь ко мне. Но недавно был в Свердловске и познакомился с Мелешиным (магнитогорским прозаиком — Прим. ред.), и он сказал, что в Магнитке тебя нету и не было. Я не удивляюсь, потому что знаю,

Николай Павлович с женой Татьяной

одну ночь вдруг, сделался взрослым и с удивлением обнаружил, что детства-то уж нет, да и было ли оно? Грустно получилось и просто. Простота меня и радует. Писал быстро, и оттого повесть требует ещё большой работы, но главное уже сделано. Называется повесть не очень оригинально «Где-то гремит война», однако другого заглавия поставить нельзя...

Теперь я тебе напишу вот о чём. 22 года не видел я фронтового друга, которого выволок когда-то с передовой раненого. Он отыскал меня, и вот в начале февраля я к нему поехал в г. Орск. Встретились. Очень было волнительно всё, но и грустно. Я проверял свою память о войне. Всё мне казалось, что вроде я на другом каком-то фронте был по сравнению с теми, кто рассказывает о войне по телевизору и в книжках. Может, думаю, мне нездоровится, натура

так преобразовала воспоминания. Проверил. Ничего подобного! Друг мой — человек земной, а воспоминания у нас одни и те же: всё о вшах да о дармоедах-политруках, да о зубодробильных хамах, именуемых отцами-командирами. Время отшелушило так называемый фронтовой юмор, и осталась одна голая, никем не одобренная горчайшая правда войны. Тяжёлая и потрясающая правда, которая тем страшней, что нам не дают сказать, затыкают рот сверху и снизу.

А потом я был в Свердловске, на Дне уральской книги. Хорошо живут у нас писаки. Для них литература — сплошное издание, выступление, показывание по телевизору, восторги девиц и одобрение властей, сладкий пирог и никакие сомнения и тревоги! Зачем меня мама родила таким?! Жил бы, как они. Писал бы... про малинку да про рыбалку одну. Удовольствия-то сколько себе и людям!..

Куда мы придём? Что будет? Недавно читал в «Известиях» заметку «После нас хоть потоп». Жаловался на грабежи Недры (золотой запас России в Эвенкийском автономном округе — Прим. ред.) один эвенкийский сопредседатель. И до Недры добрались современные пираты, организованные в отряды геологическо-поисковые, — воплощение современного циника и грабителя с приборами и молотком в руке, овеянного литературной романтикой... Что будет с нашей землёй? С нами? Как жить? Как писать? А не писать невозможно. Молчать не хватает мужества!

Как у тебя с романом? Как с повестью? Выбери время и напиши мне. В Москву меня не зовут. А самому просто так ехать незачем, да и неохота. Крепко тебя обнимаю! Тане, Антону, Ирине привет.

27 февраля 1966 г.

— Никола!

Пришло твоё письмо, а следом мне сообщили из издательства, что ты звонил, а потом я прочёл твою статью — так что трижды получил от тебя известия... Ты собираешься к нам в конце марта. Ты уж уладь этот вопрос так, чтобы я дома был и мы бы вместе съездили хоть на денёк-два в мою заснеженную до труб деревушку. Статью твою прочёл с удовольствием. Ты — умный парень, давно это знаю, и многое сказал такого, чего отчаянные «хитрецы» столичного и особенно периферического профиля, говорят лишь в сортирах и своих малогабаритных квартирах... Лишь одно меня смущает в постановке вопроса — это «рабочая тема». Я всё-таки противник деления на темы — это давало и даёт возможность сбить с панталыку часть даже даровитых писателей и увести их от тем общественных. Мне кажется, надо отделить... материал и тему, хотя это вещи вроде бы неотделимые... Отделить для того, чтобы принять второе...

Шлю тебе рассказ, над которым бьюсь второй год и не могу добить. Пусть тебя не смущает посвящение — рассказ этот весь о Знаменском, и, быть может, способствует тому, чтобы ты этого, презираемого тобой человека, лучше понял. К сожалению, он не один такой — их целое село, к сожалению... сломанных.

Ну, до встречи в Перми ли, в Москве ли, в Кемерово ли! Дай Бог только скорее. Я по тебе очень затосковал. Да и живу шибко одиноко.

Пермь, 10 марта 1966 г.

Материалы подготовила
Инна ВОСКОБОЙНИКОВА

как трудно выбраться из дому, да ещё при должности (Николай Воронов создал и возглавил калужскую писательскую организацию — Прим. ред.). Написать мне надо о многом. С чего начать и не знаю?

Начну с того, что осенью я очень хорошо и много работаю... вдрут сделал набросок маленькой повести листа на три. Хотел написать рассказ, даже два, а меня как поперло! Два замысла объединились вместе, и получилась повесть о...головастом и добром малом, который вдрут, в